

спрос, и новый рынок привлекает к себе капитал и квалифицированную рабочую силу. Таким образом, периферийные области стран больше не являются отстающими и непривлекательными.

На примере еврорегиона Саар-Лор-Люкс можно выделить несколько трансграничных проектов, наглядно демонстрирующих теоретическую модель Кругмана. Трансграничная агломерация Европейского полюса развития предполагает возрождение промышленного центра; в Европейской Долине Верхнего Мозеля разрабатывается концепция общего туристического рынка со слоганом «край винной культуры»; в Пространстве Саар-Россель главной является общая инициатива по защите окружающей среды. Однако есть области, где европейская интеграция не способна изменить ситуацию. В Сааре (ФРГ) на заводах работают многие жители Лотарингии, которые не могут интегрироваться в немецкое общество из-за присутствия языкового барьера. В свою очередь в Лотарингии проживают этнические немцы, не желающие интегрироваться во французское общество. В результате приходится говорить о французских «островах» в Германии и немецких «островах» во Франции. Таким образом, можно говорить о том, что трансграничное сотрудничество имеет место преимущественно в экономической сфере. Встает вопрос, сохранится ли стимул к этому сотрудничеству, когда различия в экономике и социальной сфере внутри ЕС сотрутся. Тем более что административные органы не способствуют созданию идентичности народов еврорегиона, но требуют дополнительных финансовых средств на содержание.

В заключение необходимо добавить, что в целом региональные и наднациональные инициативы способствуют развитию европейской интеграции. Однако существующие инициативы не в силах размыть все барьеры в новой трансграничном обществе. Но уже сегодня понятно, что в будущем административные границы Европы должны будут уступить место естественным этническим и экономическим границам.

А.С. Комягина

ПРОБЛЕМА НАРУШЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА И ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЧЕЧЕНСКОМ КОНФЛИКТЕ В 1994 – 2006 гг.

Война в Чечне идет уже много лет. Согласно официальным данным, датами проведения операции по урегулированию конфликта в республике считаются 1994 – 1996 гг. и 1999 – 2000 гг. Сегодня в Чечне происходят процессы демократизации и восстановления мирной жизни. Однако фактически начиная с 1994 г. вплоть до настоящего времени на территории республики беспрестанно происходит нарушение прав человека, несоблюдение норм Международного Гуманитарного Права (МГП), многочисленные уголовные преступления, совершаемые как вооруженными формированиями, действующими на территории Чечни, так и со стороны федерации.

Два основных вопроса, которыми задаются исследователи данной проблемы, это, во-первых, должны ли стороны в данном конфликте придерживаться норм Международного Гуманитарного права и принимать меры по защите прав мирного населения Чечни; и, во-вторых, в равной ли мере будет возлагаться ответственность за совершенные преступления, как на боевиков, так и на представителей государственной стороны?

Прежде всего необходимо отметить, что до сих пор не определен статус чеченского конфликта. Официально первая кампания получила статус «наведения конституционного порядка», вторая – «антитеррористической операции». В этих условиях у сторон в конфликте нет оснований соблюдать нормы МГП. Однако при этом также неприемлемо какое-либо ограничение прав человека: все права граждан должны реализовываться в полной мере.

Правозащитники и международные организации, напротив, рассматривают ситуацию в Чеченской Республике 1994 – 1996 гг. как вооруженный конфликт немеждународного характера. Исходя из этого они, на основе оценки соблюдения сторонами норм гуманитарного права обращаются прежде всего к ст. 3 Женевских конвенций и

Второго дополнительного протокола к этим конвенциям, посвященным защите жертв вооруженного конфликта немеждународного характера. Ст. 3 Женевских конвенций носит характер обязательной для всех нормы *Jus cogens*, которая гласит: «В случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон (а, следовательно, и правительственные, и противостоящие им силы) будет обязана применять как минимум следующие положения» (далее следует перечень).³⁰⁹ Таким образом, международные организации и правозащитники считают, что правомерно требовать выполнения норм гуманитарного права и федеральными войсками и антиправительственными силами.

Противоречия наблюдаются и в правительственной позиции и в точке зрения мирового сообщества и правозащитников. С одной стороны, данный конфликт значительно превзошел масштабы как операции по наведению порядка, так и контртеррористической операции. Более того во время первой и второй кампаний противоборствующая сторона была вполне конкретно представлена в лице руководства Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) и вооруженных сил, отстаивающих его интересы. Однако с другой стороны, «самопровозглашенная Чеченская Республика Ичкерия формально не принадлежала к числу Высоких Договаривающихся Сторон, подписавших и ратифицировавших Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним»³¹⁰.

Более того, «самопровозглашенная ЧРИ в период вооруженного конфликта 1994 – 1996 гг. не была признана ни одним членом международного сообщества в качестве независимого государства. Соответственно она не являлась участником ни одного международного соглашения, пакта, конвенции о правах человека. Поэтому для властей ЧРИ даже бесспорное установление фактов нарушения ими норм международного права в области прав человека никаких международно-правовых последствий иметь не может»³¹¹. Тем не менее, если Чечня предпринимает попытки стать независимым от России государством, «вполне правомерно применение этих норм для оценки действий властей и представителей вооруженных формирований ЧРИ с точки зрения их готовности следовать общепринятым в международном сообществе образцам»³¹².

В российском обществе сложилось неоднозначное мнение о боевиках, при помощи СМИ культивировался образ чеченцев как бандитов. Историк и этнолог В.А. Тишков свидетельствует: «К концу 1995 г. российские телеканалы превратились в проводников словесной государственной пропаганды: однозначная характеристика чеченских сил как «бандитских формирований». Помимо этого историк приводит мнение представителя федеральной власти А. Егорова: «... чем их больше бить, тем больше будут уважать. Чеченцы признают больше всего силу»³¹³.

Запад относится к боевикам как к представителям народа, борющегося за свою независимость, за свободу от российского гнета. Так, В. Тишков приводит пример, продемонстрированный журналистами таких всемирно известных западных медиакомпаний, как CNN и BBC, во время захвата заложников на Дубровке: «Во всех новостных выпусках и других передачах использовался аккуратный язык в определении совершивших теракт: они были «диссиденты», «захватчики заложников», «борцы за свободу» и т.д.»³¹⁴. Зарубежные журналисты считали, что несправедливо причислять их к «террористам» до решения суда. Принимая во внимание все многообразие мнений, в данной ситуации сложно возложить на боевиков ответственность, поскольку неясно, защищают ли они свои права или нарушают чужие.

Одной из главных причин нарушения прав человека и норм МГП в данном конфликте со стороны бойцов отрядов вооруженных формирований ЧРИ является тот факт,

³⁰⁹Права человека: Сборник международных договоров, Универсальные договоры. – Нью-Йорк и Женева: Организация Объединенных Наций, 1994 – Т.1. С. 1146.

³¹⁰Россия-Чечня: Цепь ошибок и преступлений. – М.: Звенья. 1998. С.300 – 301.

³¹¹Там же.

³¹²Там же.

³¹³Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. С.178.

³¹⁴Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. С.358.

что с ними не проводилась соответствующая разъяснительная работа и ознакомление их с нормами гуманитарного права. Нужно заметить, что для этого были все необходимые основания, если учесть тот факт, что «в июле 1995 г. Швейцарскому Федеральному совету, который хранит оригиналы Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним... было направлено заявление парламента ЧРИ от 14 июля 1995 г. за подписью председателя парламента ЧРИ Ахъяда Идигова с заявлением «о принятии Чеченской Республикой Ичкерия обязательств по соблюдению Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним от 8 июня 1977 г.».³¹⁵ То есть антиправительственная сторона продемонстрировала готовность действовать в рамках международного права, упущением было то, что не была проведена соответствующая разъяснительная работа среди бойцов.

Однако с другой стороны, известно, что незнание законов не освобождает от ответственности, тем более что преступления, совершенные боевиками за время первой и второй кампаний являются нарушением не только норм МГП, но и внутреннего законодательства страны, в том числе Конституции РФ. Помимо того они противоречат неписаным нормам морали, а значит, при любых обстоятельствах влекут за собой ответственность.

Нельзя отрицать, что и федеральные силы, совершили немало преступлений и правонарушений на протяжении всего периода конфликта. Однако ответственность российской стороны предусмотрена международными соглашениями и внутренними законами РФ, следовательно, под сомнение не ставится.

Правозащитники считают, что продолжительная агрессия со стороны воюющих вызвана тем, что «грубейшие нарушения прав человека, совершаемые «силовиками», создают постоянную подпитку боевикам, родственники жертв мстят или ожидают удобной возможности отомстить за совершенные против них преступления. В свою очередь, убийства боевиками чеченских милиционеров, участников профедеральных вооруженных формирований и глав администрации пополняют ряды чеченских «силовиков»³¹⁶.

Следовательно, череда кровопролитных преступлений, как с той, так и с другой стороны не прекратится до тех пор, пока одна из сторон не перестанет руководствоваться лишь законами кровной мести, и не начнет соблюдать российские законы, а также международные нормы права. Очевидно, что в силах нынешнего руководства Чечни при поддержке Кремля способствовать окончанию многолетней войны.

Е.В. Лапушкина

Иммиграционная политика Италии 1986 – 1998 гг.

Ежегодная миграция в страны Евросоюза составляет около 2,2 на 1000 человек населения. В 2000 г. в ЕС прибыло приблизительно 680 тыс. мигрантов³¹⁷. Отчасти этот факт может объясниться близостью Европы к «очагам перенаселенности», в частности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, причем в странах Северной Африки ВВП на душу населения составляет 8 – 16 % от среднеевропейского показателя³¹⁸. На протяжении всей новейшей истории Италии она была одним из основных источников иммигрантов. В 1946 – 1965 гг. из Италии эмигрировало 5 854 млн человек³¹⁹. Она стала принимающей страной только с конца 1970-х гг. Вместе с Испанией, Португалией и Грецией Италия является одной из так называемых новых европейских стран иммиграции. Для всех этих стран был характерен относительно высокий уровень официальной безработицы. В Италии в 1995 – 1998 гг. официальная безработица составляла (как и сейчас) приблизительно 11 – 12 %³²⁰.

Хотя до середины 80-х гг. приток транзитных и постоянных мигрантов в Италию не получал отражения в официальных документах и изданиях, уже к 1989 г. было

³¹⁵Россия-Чечня: Цепь ошибок и преступлений. – М.: Звенья. 1998. С.300 – 301.

³¹⁶В атмосфере страха: «Политический процесс» и парламентские выборы в Чеченской Республике. – М.: Звенья. 2006. С. 28.

³¹⁷Клютин В.Г., Кыдыров Т.Т. Нелегалы в Европе // Современная Европа, №1, 2005. С.44.

³¹⁸Там же. С.46.

³¹⁹Cinanni P. Emigrazione e Imperialismo. – Roma: Riuniti, 1971. P.29.

³²⁰Каргалова М.В. От социальной идеи к социальной интеграции/ Институт Европы РАН. М. «Интеллект +», 1999. С.118.